

известия. - 1998. - 16 окт. - с. 8

Новое амплуа БДТ имени Товстоногова

Юлия КАНТОР

Несколько лет после ухода Мастера БДТ существовал как бы в двух измерениях: премьерные афиши чередовались с некрологами. И мимолетный успех новых спектаклей, увы, никак не компенсировал масштаба утрат. После Георгия Товстоногова театр потерял Владислава Стрельчика, Евгения Лебедева, Валентину Ковель, бесменного на протяжении сорока лет завлита Дину Шварц... Спектакли товстоноговской эпохи в одночасье исчезли из репертуара — в БДТ никогда не было дублеров. «Дядя Ваня», «На дне», «На всякого мудреца довольно простоты», «Энергичные люди» — все это осталось лишь в мемуарах и воспоминаниях поклонников театра. А сам театр мучительно пытался противостоять навязанному жестким временем амплуа — он стал театром без героя.

Режиссеры приходили и уходили, оставляя в репертуаре более или менее удачные спектакли. Были «Макбет» и «Мамаша Кураж», сыгранные с ностальгическими надрывом, затем «Антигона» и «Солнечная ночь» (очевидное фиаско последней постановки похоронило надежды театра связать свое будущее с Темуром Чхидзе). Потом неожиданно для критиков и зрителей, начавших смиряться с исчезновением эфемерной материи, традиционно именовавшейся «неповторимым духом БДТ», родилась «Аркадия». Странная пьеса о двух мирах — реальном и воссозданном игрой воображения, поставленная эстонским режиссером Эльмо Нюганеном, — позволила заговорить об отсчете нового, так долго искавшего времени. Не имеющего, пожалуй, ничего общего с временем прошедшим (о чем переживают зрители-консерваторы) и не смахивающего на близкое новомодное (об этом уже жалеют лю-

бители поп-арта). На сцене БДТ появилась европейская интеллектуальная драма, сыгранная с русской чувствительностью. Так закончился прошлый сезон, а афиши начинающего уже анонсировали очередную премьеру: ART Ясмينا Рези.

На протяжении двух часов (пьеса идет без антракта) сценическое пространство заполнено разговором. Слов больше, чем закодированного в них смысла. Реквизит — пара белых стульев, белый диван и, конечно, главная «героиня» — картина белого же цвета. Полотно как бы вырезано из белой стены, где зияет всепоглощающий черный квадрат. Трем товарищам, одетым в черное, не дает покоя белое полотно, приобретенное одним из них. Мелочное столкновение вкусов возводится в экзистенциальный абсурд, нагнетается, доводится актерской игрой (пальма первенства в этом отношении принадлежит невротичному Марку — Геннадью Богачеву) до точки кипения.

Самодовлеющее интеллектуальное состязание персонажей поначалу вызывает у зрителя ощущение, сформулированное мягчайшим Иваном (Валерий Дегтярь): «У меня голова гудит, будто мозги просверлили». Жизнь, с ее опустошающей душу обыденностью, проходит мимо, и реальность уже не воспринимается героями — они поглощены поиском себя. Их спор с очевидностью — не больше (а возможно ли больше?) чем внутренний конфликт. Состраданию и помощи места нет. И вот уже вальжный Серж (Андрей Толубеев) невозмутимо продолжает прерванный разговор. Развязки нет, вместо нее — уход персонажей в пространство Арта, арта как способа жизни. Герои уходят в глубь сцены навстречу квадрату белой стены, которая постепенно меняет угол наклона, ложась наконец им под ноги. Обнажая непознаваемый черный квадрат.